

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. С. Худошин

Саратовская государственная юридическая академия

RESTRICTION OF CITIZEN'S LEGAL CAPACITY: PROCEDURAL ASPECT

A. S. Khudoshin

Saratov State Law Academy

Аннотация: анализируются проблемы теоретического и практического плана, связанные с особенностями реализации положений Гражданского процессуального кодекса и ограничением дееспособности гражданина. Отмечается, что существует ряд законодательных пробелов и несогласованность норм ГК РФ и ГПК РФ. Отдельное внимание уделяется терминологическому аспекту в рамках рассматриваемой темы, предлагаются изменения в законодательство, связанные с конкретизацией отдельных терминов.

Ключевые слова: особое производство, ограничение дееспособности, психическое расстройство, пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками, злоупотребление наркотическими средствами.

Abstract: the article analyzes the theoretical and practical problems related to the specifics of the implementation of the provisions of the Civil Procedure Code related to the limitation of a citizen's legal capacity. It is noted that there are a number of legislative gaps and inconsistencies between the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Special attention is also paid to the terminological aspect of the topic under consideration, and legislative changes related to the specification of individual terms are proposed.

Key words: special court proceedings, disability, mental disorder, gambling addiction, alcohol abuse, drug abuse.

Отличительной чертой рассмотрения дел в порядке особого производства является отсутствие спора о праве. Так, в ст. 263 ГПК РФ¹ предусмотрена процедура оставления заявления без рассмотрения при наличии спора о праве в рассматриваемом судом правоотношении. Ввиду данного положения предполагается, что дела, прямо предусмотренные для разрешения в порядке особого производства в ст. 262 ГПК РФ, должны носить бесспорный характер. Тем не менее в науке гражданского процессуального права неоднократно приводились доводы о спорном

характере включения отдельных категорий дел в подраздел IV ГПК РФ «Особое производство»².

Ограничение гражданина в дееспособности является категорией дел, которая вызывает споры как в науке, так и в правоприменительной практике по нескольким причинам. Прежде всего, рассматривая дело об ограничении субъекта в дееспособности, суд разрешает по существу вопрос изменения его гражданско-правового статуса. В случае если лицо не согласно с ограничением его в дееспособности, логично возникновение спора о праве, следовательно, затруднительно говорить о бесспорном характере данной категории дел.

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

© Худошин А. С., 2025

² См. например: Лебедев М. Ю. Гражданский процесс : учеб. для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 259.

Стоит согласиться с Е. В. Михайловой, что данная категория дел выбивается из общего контекста особого производства. Представляется, что несогласие гражданина с изменением своего правового статуса закономерно будет порождать спор о праве³. Приведенная позиция входит в прямое противоречие с характеристикой особого производства, приводимой различными авторами. К примеру, характеризуя особое производство, В. Г. Саркисян утверждает, что при рассмотрении дел в данном порядке отсутствуют взаимоисключающие интересы⁴. При этом в делах об ограничении дееспособности гражданина интересу заявителя будет противостоять интерес субъекта, который не согласен с изменением своего гражданско-правового статуса. В данном случае не представляется возможным говорить о бесспорном характере данной категории дел, так как речь может идти о наличии взаимоисключающих интересов, поскольку субъект, вернее всего, не заинтересован в ограничении своей дееспособности. Такого мнения придерживался и И. А. Жерулис, отмечая, что в делах об ограничении дееспособности возникают случаи, когда между сторонами возникают разногласия и спор о праве лица быть дееспособным, ввиду чего в такой категории дел возникает «потенциальный ответчик» и их целесообразность отнесения к особому производству является спорной⁵.

Далее стоит отметить, что помимо спорной природы рассматриваемой категории дел в контексте особого производства возникает ряд вопросов по поводу перечня оснований, по которым гражданин может быть ограничен в дееспособности. Упомянутые основания перечислены в ст. 30 ГК РФ⁶, а их процессуальная реализация

регламентирована ст. 281, 282 ГПК РФ. Из норм материального права следует, что лицо может быть ограничено в дееспособности в случае наличия «злоупотреблений» спиртными напитками или наркотическими средствами и «пристрастия» к азартным играм, при этом нарушая материальные интересы семьи. Рассматривая данную группу оснований, сразу стоит оговориться, что пристрастие к азартным играм не включено в нормы ГПК РФ, кроме того, в процессуальных нормах также отсутствует такое основание, как психическое расстройство, при котором гражданин способен понимать значение своих действий с помощью других лиц. Психическое расстройство в нормах ГПК РФ поименовано только как основание для лишения дееспособности.

Учитывая специфику рассматриваемой категории дел, решение по которой может изменить правовой статус лица и пределы осуществления им своих прав, видится актуальной проблема возникшей коллизии норм материального и процессуального права. Кроме того, необходимо более подробно осмыслить характер оценочных категорий, применяемых законодателем, и их уместность в рассматриваемых правоотношениях.

Относительно процессуальной регламентации ограничения дееспособности точно отмечает Е. А. Нахова, что законодатель в ст. 282 ГПК РФ оговаривает предмет доказывания по делу, устанавливая фактические сведения, которые должны быть указаны в заявлении⁷. Отсутствие же в указанной статье норм, корреспондирующих основаниям, предусмотренным ГК РФ, создает проблемы не только в теории, но и в правоприменительной практике.

Прежде всего, видится необходимым рассмотреть проблематику применения такого основания, как «наличие психического расстройства». Данное основание применимо как для ограничения в дееспособности, так и для признания гражданина недееспособным. Стоит отметить, что данная дифференциация была определенной новеллой. Ранее психическое расстройство при-

³ См.: Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина // Юрист. 2023. № 8. С. 47–48.

⁴ См.: Саркисян В. Г. Особое производство в гражданском процессе : правовая природа, особенности // Право, экономика и управление : состояние, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 22 августа 2024 г.). Чебоксары : Среда, 2024. С. 303.

⁵ См.: Жерулис И. А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969. С. 196–197.

⁶ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ См.: Нахова Е. А. Отдельные аспекты процесса доказывания по делам особого производства в гражданском процессе // Особое производство в цивилистическом процессе : проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 133.

знавалось только в качестве основания для признания гражданина недееспособным, о чем уже упоминалось в трудах исследователей⁸. Для его применения необходимо совпадение двух критериев: медицинского – психическое расстройство лица; а также юридического, выраженного в возможности гражданина понимания своих действий при помощи других лиц. Раскрывая юридический критерий данного основания, стоит отметить, что нормы ГПК РФ раскрывают порядок подачи заявления и его содержание только относительно признания недееспособным по данному основанию.

Так, рассматривая дело по заявлению об ограничении в дееспособности по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 30 ГК РФ, суд отказал заявителю по следующей причине: в приведенной части статьи предусмотрено, что данное основание реализуется в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. В свою очередь, ГПК РФ рассматривает психическое расстройство и регламентирует подачу заявления по этому основанию только в случае лишения дееспособности. Норма ГПК РФ предусматривает только лишение дееспособности, в связи с чем судья пришел к выводу о некорректном формулировании требований⁹.

Представляется, что несогласованность норм в данном случае не позволяет заявителю правильно сформулировать требования. Так, в качестве еще одного примера можно проанализировать дело, рассматриваемое Ингодинским районным судом г. Читы, где заявитель обращался в суд для признания гражданина недееспособным, при этом просил признать его ограниченно дееспособным. Стоит отметить, что в данном случае суд не смутила формулировка заявленного требования¹⁰. Несогласованность норм материального и процессуального права в данном случае представляет собой не юридико-техническую ошибку, а полноценную коллизию, которая не позволяет заявителю правильно сформулировать требования.

⁸ См., например: Социальное гражданское право в его основополагающих институтах : коллективная монография / А. М. Авакян, М. В. Бандо, В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. К. М. Некрашевич. М. : Статут, 2022. С. 56.

⁹ См.: Решение Домодедовского городского суда от 27 марта 2017 г. по гражданскому делу № 2-4289/2016. URL: <https://clck.ru/3JWbUz>

¹⁰ См.: Решение Ингодинский районного суда г. Читы от 17 июня 2021 г. по гражданскому делу № 2-2841/2020. URL: <https://clck.ru/3JWcfM>

Помимо неправильной формулировки заявителем своих требований, в правоприменительной практике возникают ситуации, связанные с неверным толкованием данной нормы. Так, в деле, рассматриваемом Раменским городским судом Московской области, было принято решение ограничить гражданина в дееспособности ввиду перенесенного им заболевания, а именно ишемического инсульта¹¹. Представитель заинтересованной стороны справедливо указал суду на факт отсутствия в ГПК РФ норм, на которые ссылается заявитель для ограничения в дееспособности. Суд нашел необоснованными доводы, что такое основание, как «перенесенное заболевание», отсутствует в ГПК РФ, поскольку в заключении эксперт пришел к выводу о наличии психического расстройства. В данном случае, думается, суд истолковал приведенную ситуацию неверно, без учета положений ст. 282 ГПК РФ, закрепляющей содержание заявления об ограничении гражданина в дееспособности. Коль скоро из заявления не следует наличие психического расстройства, а заявитель ссылается на наличие заболевания, данное заявление следовало оставить без рассмотрения.

Относительно приведенного казуса стоит согласиться с С. О. Лозовской, что одного заключения эксперта для принятия решения по данной категории дел не достаточно. Помимо экспертного заключения судом также должны рассматриваться объяснения лица, в отношении которого возбуждено дело об ограничении дееспособности, медицинские документы, показания свидетелей¹². Кроме того, говоря о заключении эксперта, возможно привести в качестве примера исследование специалистов в области медицины. Так, на основании выборки повторных экспертиз специалисты отметили, что в некоторых случаях заключение о неспособности гражданина понимать значение своих действий ввиду психического расстройства изменялось после повторной экспертизы. В ряде случаев заключение повторной экспертизы содержало вывод о способности гражданина понимать свои дей-

¹¹ См.: Решение Раменского городского суда Московской области от 29 января 2018 г. по делу № 2-34/2018 (2-5735/2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: Лозовская С. О. Отдельные аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами // Хозяйство и право. 2022. № 8 (547). С. 103.

ствия с помощью других лиц либо вовсе о полной способности понимать значение своих действий. При повторном исследовании экспертами был сформирован иной экспертный вывод – о полной дееспособности гражданина либо о необходимости ограничения дееспособности – вместо признания гражданина недееспособным. При этом только в 5 из 17 случаев диагностическое заключение также менялось¹³. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что заключение эксперта не является достаточным доказательством для установления факта способности гражданина понимать значение своих действий, так как один и тот же диагноз может рассматриваться экспертами по-разному ввиду сложности оценки адаптации человека к автономной жизни с психическим расстройством.

При наличии противоречий между заявленными требованиями и объяснениями лица, в отношении которого возбуждено дело об ограничении дееспособности, будет усматриваться спор о праве на сохранение за гражданином статуса дееспособного лица. Кроме того, в рассматриваемом выше казусе относительно доводов заявителя возражал представитель заинтересованного лица, что, как видится, не соответствует природе особого производства, носящего бесспорный характер.

Стоит отметить, что помимо норм ГПК РФ и ГК РФ некоторые вопросы, касающиеся ограничения дееспособности, рассматриваются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁴ (далее – постановление Пленума ВС РФ). В контексте рассматриваемой проблематики внимание будет обращаться на п. 18–20 данного постановления. Так, в п. 19 постановления Пленума ВС РФ поясняется, что относительно психического расстройства суд самостоятельно определяет способность гражданина понимать значение своих действий, на ос-

новании чего принимается решение об ограничении дееспособности или о признании гражданина недееспособным. Кроме того, постановление Пленума ВС РФ устанавливает, что дело о признании гражданина ограниченно дееспособным рассматривается по правилам, предусмотренным для признания гражданина недееспособным.

Данное положение представляется не совсем верным. Коль скоро Конституционный Суд РФ пришел к выводу о необходимости законодательной дифференциации рассмотрения дел, связанных с определением степени дееспособности лица, страдающего психическим расстройством¹⁵, рассматривать дело об ограничении дееспособности применимо к правилам о признании недееспособным является не совсем верным. Кроме того, широкое понятие «психическое расстройство» нуждается в конкретизации. В частности, целесообразно выделение отдельных групп психических расстройств, предусмотренных классификатором МКБ-10, как оснований для ограничения дееспособности или для признания гражданина недееспособным¹⁶.

Из заявленного тезиса следует предложение, направленное на совершенствование текущего законодательства и недопущение противоречий в правоприменительной практике. Прежде всего необходимо провести точное разграничение между рассмотрением дела, связанного с ограничением дееспособности гражданина, и признанием его недееспособным из-за психического расстройства.

Целесообразно внести изменение в ст 281 и 282 ГПК РФ, разграничивая круг субъектов, наделенных правом подачи заявления, и содержание такового заявления. Представляется, что круг лиц, наделенных законодателем правом подачи заявления для признания гражданина недееспособным, должен быть более широким, нежели для признания гражданина ограниченно дееспособным по рассматриваемому основанию. В частности, наделение близких родственников

¹³ См.: Анализ повторных судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса с учетом судебных решений / О. А. Русаковская, Н. К. Харитоновна, В. И. Васянина [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 6. С. 11–12.

¹⁴ См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁵ См.: По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Международная классификация болезней 10 пересмотра (МКБ-10). URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4001>

(независимо от совместного проживания) таким правом является излишним, поскольку видится затруднительной оценка такими лицами психического состояния гражданина и степени его адаптации к повседневной жизни.

Необходимо также внести соответствующие изменения в ст. 282 ГПК РФ, связанные с дифференциацией временного и стойкого психического расстройства. Как отмечают специалисты, стойкое психическое расстройство связано с более тяжелой личностной дисфункцией и социальной дизадаптацией¹⁷. Исходя из данного тезиса, можно разграничить порядок подачи заявления, регламентированного ст. 282 ГПК РФ. В случае если есть основания полагать, что психическое расстройство носит временный характер, гражданин должен быть ограничен в дееспособности на разумный срок; в свою очередь, если психическое расстройство является стойким, ограничение в дееспособности должно носить бессрочный характер. Следовательно, ст. 282 ГПК РФ в части, регламентирующей подачу заявления для ограничения гражданина дееспособности, изложить в двух пунктах:

а) «в заявлении о бессрочном ограничении гражданина в дееспособности должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о наличии у гражданина стойкого психического расстройства, вследствие чего он может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц»;

б) «в заявлении о срочном ограничении гражданина в дееспособности должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о наличии у гражданина временного психического расстройства, вследствие чего он может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц, а также изложен срок, на который заявитель требует ограничить дееспособность гражданина».

Кроме того, необходимо также внести изменения в ст. 283 ГПК РФ, поскольку данная статья предусматривает проведение обязательной психиатрической экспертизы только при признании гражданина недееспособным. При признании гражданина ограниченно дееспособным такая экспертиза также должна проводиться в обяза-

тельном порядке, что отмечает в своих трудах М. Г. Смирнова¹⁸.

Переходя к следующей группе оснований для ограничения дееспособности, предусмотренных ч. 1 ст. 30 ГК РФ, стоит также подчеркнуть, что нормы ГК РФ не корреспондируют нормам ГПК РФ. В частности, в ГПК РФ отсутствует такое основание ограничения дееспособности, как пристрастие к азартным играм.

Проводя разграничение между основаниями, указанными в ч. 1 ст. 30 ГК РФ, и рассматриваемым ранее психическим расстройством, стоит отметить, что основным социальным фактором, побуждающим к ограничению лица в дееспособности в связи с наличием «злоупотреблений» и «пристрастия», является трудное материальное положение семьи, вызванное аддикциями субъекта. При этом стоит обратить внимание, что специалисты в области медицины отмечают, что основным критерием ограничения дееспособности в связи с психическим расстройством является нарушение в сделкоспособности гражданина. То есть функции, связанные с самообслуживанием и осознанием своих действий, остаются на уровне для автономного существования, а ограничение дееспособности направлено на превенцию совершения необдуманных трат¹⁹. Соответственно, цель ограничения гражданина в дееспособности в обоих случаях часто совпадает. В отличие от основания в виде психического расстройства трудное материальное положение семьи является не только целью ограничения дееспособности субъекта, но и предметом доказывания, сформулированным в ч. 1 ст. 282 ГПК РФ.

Тем не менее, как оговаривалось ранее, одно из оснований, предусмотренных в ч. 1 ст. 30 ГК РФ, отсутствует в ст. 281, 282 ГПК РФ, а именно «пристрастие к азартным играм», в связи с чем возникает вопрос о предмете доказывания при применении данного основания. В связи с тем что данные основания объединены в ГК РФ в определенную группу, поскольку содержатся в

¹⁸ См.: Смирнова М. Г. Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина) // *Nomothetika : Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47, № 2. С. 331.

¹⁹ См.: Харитонова Н. К., Русаковская О. А. Ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством при понижении и повышении гражданско-правового статуса : анализ социального запроса и представленности отдельных психических расстройств // *Российский психиатрический журнал*. 2022. № 1. С. 18.

¹⁷ См.: Peter Tyrer, Helen Tyrer, Min Yang, Boliang Guo Long-term impact of temporary and persistent personality disorder on anxiety and depressive disorders // *Personality and Mental Health*. 2016. No. 10. P. 76–77.

одной части, видится возможным определять предмет доказывания по аналогии с основаниями в виде «злоупотреблений». В данном случае необходимо доказать причинно-следственную связь между пагубным пристрастием и причинением имущественного вреда семье. В случае если предмет доказывания наличия «злоупотреблений» является аналогичным предмету доказывания наличия пристрастия к азартным играм, справедливо будет заметить, что отсутствие в статьях ГПК РФ основания в виде пристрастия к азартным играм является исключительно юридико-технической ошибкой.

Дабы определиться с предметом доказывания по рассматриваемым основаниям для ограничения дееспособности, а также осмысления законодательного понимания «пристрастия» и «злоупотребления», необходимо обратиться к п. 18 рассматриваемого ранее постановления Пленума ВС РФ. Исходя из характеристики, приведенной в данном пункте, можно выявить, что злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими средствами является их употребление, расходящееся с интересами семьи и ставящее семью в тяжелое материальное положение. Следовательно, в предмет доказывания будет входить факт употребления наркотических средств и спиртных напитков, а также причинно-следственная связь между таким употреблением и тяжелым материальным положением семьи. Отдельно стоит отметить, что хронические формы наркомании и алкоголизма не предполагают ограничение в дееспособности.

В свою очередь, рассматривая пристрастие к азартным играм, постановление Пленума ВС РФ выбирает более широкий спектр признаков, следовательно, и предмета доказывания. Признаками пристрастия в рассматриваемом пункте выделяются психологическая зависимость, труднопреодолимое влечение к игре, расстройство поведения, психического здоровья и самочувствия, потеря игрового контроля, а также продолжительное участие вопреки наступлению неблагоприятных материальных последствий. Следовательно, в предмет доказывания будет входить не только причинно-следственная связь между пристрастием к азартным играм и причиненным материальным вредом, но и особое психологическое состояние субъекта. Кроме того, участие в азартных играх должно иметь продолжительный характер, в отличие от злоупотребления спиртными напитками и нар-

котическими средствами. Исходя из сказанного выше видится, что обязательным доказательством в данном случае должно являться заключение эксперта о психическом состоянии субъекта, что также составляет ключевое отличие от «злоупотреблений» и является сходным с наличием у лица психического расстройства.

Исходя из анализа разъяснения Верховного Суда РФ можно сделать вывод, что основание для ограничения дееспособности в форме «пристрастия» разительно отличается от оснований в форме «злоупотребления». Следовательно, данные основания в текущей законодательной формулировке не могут быть в одной группе, предусмотренной ч. 1 ст. 30 ГК РФ. Более того, отсутствие в ГПК РФ пристрастия к азартным играм создает трудности для правильной подачи заявления.

Для осмысления особенностей категории «пристрастия» необходимо обратиться к исследованиям ученых в области медицины. Так, характеризуя термин «пристрастие», стоит отметить, что Всемирной организацией здравоохранения не выработано определения термина «пристрастие». Иностранные специалисты, например R. A. Wise и G. F. Koob отмечают, что термин «пристрастие» в психиатрии практически не применим ввиду его расплывчатости и множества мнений по поводу его содержания, в свою очередь, более удачным для применения является термин «зависимость». Тем не менее под пристрастием принято понимать состояние субъекта, требующее лечения, создающее проблемы для него и окружающих²⁰.

Говоря о пристрастии применимо к азартным играм, А. Л. Катков отмечает, что это сложно протекающее психическое расстройство, главным признаком которого является неспособность сопротивляться импульсу игры, ставящая под угрозу и разрушающая личное и семейное положение²¹.

Пристрастие к азартным играм (патологическое влечение) включено в МКБ-10 с присвоением шифра F63.0, характеристика в котором соотносится с признаками «пристрастия к азартным играм», выделяемыми постановлением Пленума

²⁰ См.: Wise R. A., Koob G. F. Развитие и течение состояния пристрастия // Medach. URL: <https://medach.pro/post/857> (дата обращения: 10.02.2025).

²¹ См.: Катков А. Л. Профилактика, лечение и реабилитация игровой зависимости: методические рекомендации. Павлодар, 2012. С. 4.

Верховного Суда РФ, а именно – повторяющиеся эпизоды азартной игры в ущерб профессиональным, материальным, семейным ценностям.

Термин «пристрастие» представляется крайне неудачным для его применения в юридической действительности. Поскольку среди специалистов в области медицины существуют споры по поводу его применения и точности, является крайне необъективным его применение для характеристики участия лица в азартных играх в контексте ограничения дееспособности. Видится, что оценочную категорию, в отношении которой не выработано единообразие в области медицины, нельзя использовать в юридической науке. В частности, как аналог «пристрастия» используются термины «влечение», «зависимость», что также говорит о неустойчивости и неопределенности рассматриваемого термина.

Представляется, что основание для ограничения дееспособности в виде «пристрастия к азартным играм» нуждается в законодательной корректировке. В текущей его интерпретации можно говорить о конкуренции норм-оснований, так как его описание совпадает с медицинскими критериями психического расстройства. В свою очередь, ограничение в дееспособности в связи с психическим расстройством имеет иной объем сделокспособности, сравнивая его с группой оснований, предусмотренной ч. 1 ст. 30 ГК РФ.

Более приемлемым является рассмотрение данного основания как «участия в азартных играх, ставящего семью в тяжелое материальное положение». Данная формулировка позволит избежать неопределенного принципа «пристрастие», не имеющего четких границ не только в юриспруденции, но и медицине, а также избежать конкуренцию оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 30 ГК РФ. Кроме того, для этого необходимо исключить из предмета доказывания психологический фактор, в связи с чем также будет нуждаться в пересмотре постановление Пленума ВС РФ.

Кроме того, видится объективным исключение категории «злоупотребление» в части употребления спиртных напитков и наркотических средств, так как постановление Пленума ВС РФ трактует злоупотребление как употребление, которое ставит семью в трудное материальное положение. В свою очередь, трудное материальное положение и так является одним из крите-

риев для ограничения дееспособности. В связи с этим видится непонятным использование оценочной категории. Исходя из сказанного представляется целесообразным преобразовать данные основания в «участие в азартных играх, употребление спиртных напитков и наркотических средств, ставящее семью в трудное материальное положение».

Возвращаясь к бесспорности дел, рассматриваемых в порядке особого производства, возникает целесообразный вопрос о возможности доказывания трудного материального положения, не вызывающего корреспондирующий противоположный интерес. В свою очередь, участие в азартных играх, употребление спиртных напитков и наркотических средств также являются правом субъекта, в связи с чем при ограничении дееспособности видится возникновение спора о праве, а доказывание трудного материального положения и будет являться той составляющей, где права одного субъекта нарушают права другого.

Подводя итоги, стоит отметить, что институт ограничения дееспособности и его процессуальная регламентация имеют явные законодательные пробелы. В частности, возникает вопрос о целесообразности отнесения данной категории дел к «особому производству», имеющему бесспорный характер. Отсутствие ряда оснований, предусмотренных ГК РФ в ГПК РФ, создает трудности с процессуальной регламентацией и рассмотрением дел данной категории судом. В частности, стоит отметить, что общее количество рассмотренных гражданских дел в течение 2023 г. составляет более 28 млн²², при этом в 2023 г. было рассмотрено всего 678 дел данной категории²³, что видится необъективно низким показателем, не отражающим реальную проблематику в частоте возникновения необходимости ограничения дееспособности.

²² См.: Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании Совета судей РФ 21 мая 2024 года // Совет судей Российской Федерации. URL: <https://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/54561> (дата обращения: 10.02.2024).

²³ См.: Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 10.02.2024).

Библиографический список:

Анализ повторных судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса с учетом судебных решений / О. А. Русаковская, Н. К. Харитоновна, В. И. Васянина [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 6. С. 4–13.

Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969. 204 с.

Катков А. Л. Профилактика, лечение и реабилитация игровой зависимости : методические рекомендации. Павлодар, 2012. 87 с.

Лебедев М. Ю. Гражданский процесс : учеб. для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 438 с.

Лозовская С. О. Отдельные аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами // Хозяйство и право. 2022. № 8 (547). С. 98–108.

Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина // Юрист. 2023. № 8. С. 45–50.

Нахова Е. А. Отдельные аспекты процесса доказывания по делам особого производства в гражданском процессе // Особое производство в цивилистическом процессе : проблемы доктрины, законодательства и практики : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 131–138.

Саркисян В. Г. Особое производство в гражданском процессе : правовая природа, особенности // Право, экономика и управление : состояние, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 22 августа 2024 г.). Чебоксары : Среда, 2024. С. 302–306.

Смирнова М. Г. Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина) // Nomothetika : Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 327–333.

Социальное гражданское право в его основополагающих институтах : коллективная монография / А. М. Авакян, М. В. Бандо, В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. К. М. Некрашевич. М. : Статут, 2022. 190 с.

Харитоновна Н. К., Русаковская О. А. Ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством при понижении и повышении гражданско-правового статуса : анализ социального запроса и представленности отдельных психических расстройств // Российский психиатрический журнал. 2022. № 1. С. 16–23.

Peter Tyrer, Helen Tyrer, Min Yang, Boliang Guo. Long-term impact of temporary and persistent per-

sonality disorder on anxiety and depressive disorders // Personality and Mental Health. 2016. No. 10.

Wise R. A., Koob G. F. Развитие и течение состояния пристрастия // Medach. URL: <https://medach.pro/post/857>

References

Analysis of repeated forensic psychiatric examinations in cases of changing civil status, taking into account court decisions / O. A. Rusakovskaya, N. K. Khari-tonova, V. I. Vasyanina [et al.] // Russian Psychiatric Journal. 2022. No. 6. P. 4–13.

Zheruolis I. A. The essence of Soviet civil proceedings. Vilnius, 1969. 204 p.

Katkov A. L. Prevention, treatment and rehabilitation of gambling addiction : methodological recommendations. Pavlodar, 2012. 87 p.

Lebedev M. Yu. Civil Procedure : a textbook for universities. 14th ed., revised and enlarged. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. P. 259.

Lozovskaya S. O. Certain aspects of law enforcement practice of limiting the legal capacity of persons suffering from mental disorders // Business and Law. 2022. No. 8 (547). P. 98–108.

Mikhailova E. V. On the problem of the legal nature of cases of deprivation and limitation of legal capacity of a citizen // Jurist. 2023. No. 8. P. 45–50.

Nakhova E. A. Certain aspects of the process of proof in cases of special proceedings in civil proceedings // Special proceedings in civilistic proceedings : problems of doctrine, legislation and practice : collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (St. Petersburg, June 23, 2022) / comp. and editor L. V. Voytovich. St. Petersburg : Asterion, 2022. P. 131–138.

Sargsyan V. G. Special proceedings in civil proceedings : legal nature, features // Law, economics and management : state, problems and prospects : materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Cheboksary, August 22, 2024). Cheboksary : Sreda, 2024. P. 302–306.

Smirnova M. G. On the objectification of social claims in law (using the example of limiting the legal capacity of a citizen) // Nomothetika : Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47, No. 2. P. 327–333.

Social civil law in its fundamental institutions : collective monograph / A. M. Avakyan, M. V. Bando, V. S. Belykh [et al.] ; responsible. editor K. M. Nekra-shevich. Moscow : Statut, 2022. 190 p.

Khari-tonova N. K., Rusakovskaya O. A. Limitation of legal capacity due to mental disorder with a decrease and increase in civil-legal status : analysis of social demand and representation of individual mental disorders // Russian Psychiatric Journal. 2022. No. 1. P. 16–23.

Peter Tyrer, Helen Tyrer, Min Yang, Boliang Guo. Long-term impact of temporary and persistent personality disorder on anxiety and depressive disorders // *Personality and Mental Health*. 2016. No. 10.

Wise R. A., Koob G. F. Развитие и течение состояния пристрастия // *Medach*. URL: <https://medach.pro/post/857>

Саратовская государственная юридическая академия

Худошин А. С., делопроизводитель кафедры гражданского процесса

E-mail: accforblitz@mail.ru

Saratov State Law Academy

Khudoshin A. S., Clerk of the Civil Procedure Department

E-mail: accforblitz@mail.ru

Поступила в редакцию: 15.03.2025

Received: 15.03.2025

Для цитирования:

Худошин А. С. Ограничение дееспособности гражданина: процессуальный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/102-110>

For citation:

Khudoshin A. S. Restriction of citizen's legal capacity: procedural aspect // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2025. № 3 (62). P. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/102-110>